

·the big book·

ДИН
КУНЦ

КРАЕМ ГЛАЗА
•
ИССТУПЛЕНИЕ. СКОРОСТЬ
•
ТИХИЙ УГОЛОК
•
ТЕМНЫЕ РЕКИ СЕРДЦА
•
ФАНТОМЫ
•
КОМНАТА ШЕПОТОВ
•
НЕХОРОШЕЕ МЕСТО
•
ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ
•
ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫЖИВШИЙ
•
ПОЛНОЧЬ
•
АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ
•
ЧУЖИЕ
•
МОЛНИЯ

ДИН КУНЦ

МОЛНИЯ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 91

Dean Koontz
LIGHTNING

Copyright © 1988 by Nkui, Inc.

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Александровой

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-18305-6

© О. Э. Александрова, перевод, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Грегу и Джоан Бенфорд.
Иногда мне кажется, что вы самые интересные люди из всех,
кого я когда-либо знал.
И тогда я принимаю две таблетки аспирина
и ложусь отдохнуть.
Но эта мысль меня не отпускает.*

Так как природа всегда возрождает одно из другого
И ничему не дает без смерти другого родиться.

Лукреций

Я не боюсь умереть. Я просто не хочу там оказаться,
когда это случится.

Вуди Аллен

«Американские горки»:

1) небольшая гравитационная железная дорога... с кру-
тыми спусками, обеспечивающими головокружитель-
ное падение вниз любителям острых ощущений.

Словарь издательства «Рэндом хаус»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛОРА

Сильная любовь кого-то придает сил, а сильная
любовь к кому-то придает смелости.

Лао-цзы

Глава 1

СВЕЧА НА ВЕТРУ

1

В ту ночь, когда родилась Лора Шейн, разразилась снежная буря, причем погодные явления казались настолько непривычными, что люди потом еще много лет их вспоминали.

Среда, 12 января 1955 года выдалась холодной, серой и мрачной. В сумерках набрякшие небеса разродились крупными пушистыми хлопьями снега, и жители Денвера замерли в ожидании метели со стороны Скалистых гор. К десяти вечера с запада подул пронизывающий ветер, завывавший вдоль горных перевалов и со свистом скатывавшийся вниз по изрезанным лесистым склонам. Снежинки, уменьшившиеся до размера песчинок, царапали окно заставленного книгами кабинета доктора Пола Марквелла.

Развалившись в кресле за письменным столом, Марквелл прихлебывал для согрева «Чивас Ригал». Правда, мерз Марквелл отнюдь не из-за этих предвестников зимы. Нет, то был вечный холод, сковавший душу и мозг.

С тех пор как четыре года назад Ленни, единственный сын Марквелла, умер от полиомиелита, Марквелл все чаще искал забвения на дне стакана. И сейчас, несмотря на неотложный вызов из окружной больницы, Марквелл взял бутылку и плеснул себе еще скотча.

В просвещенном 1955 году детей начали прививать вакциной доктора Джонаса Солка, и уже был недалек тот день, когда ни один ребенок не умрет или не будет парали-

зован в результате полиомиелита. Однако Ленни заболел в 1951 году, за год до того, как Солк испытал свою вакцину. У мальчика парализовало дыхательные мышцы, к тому же болезнь осложнилась очаговой пневмонией. Короче, у Ленни не было ни единого шанса.

Тишину зимней ночи разрезал рокот, эхом прокатившийся со стороны западной гряды гор. Но Марквелл не обратил на это внимания. Он настолько погрузился в бездну своей черной, как желчь, печали, что иногда практически не замечал происходящего вокруг.

На столе стояла фотография Ленни. Даже четыре года спустя Марквелла мучило улыбающееся лицо сынишки. Конечно, фотографию следовало убрать с глаз долой, но он оставил ее на виду, поскольку непрерывное самобичевание стало его способом искупления вины.

Коллеги Пола Марквелла не знали, что у него проблемы с алкоголем, поскольку он никогда не выглядел пьяным. А промахи, которые он совершал при лечении некоторых пациентов, списывались на трудности, возникшие по естественным причинам, но отнюдь не вследствие преступной халатности. Но сам Марквелл знал, что облажался, и ненависть к себе заставляла его пить еще больше.

Рокот послышался снова. На сей раз Марквелл понял, что это грохочет гром, но по-прежнему не слишком удивился.

Зазвонил телефон. Скотч вызывал оцепенение и замедлял реакцию, Марквелл снял трубку лишь после третьего звонка:

— Алло?

— Доктор Марквелл? Это Генри Яматта. — Яматта, интерн окружной больницы, явно нервничал. — Дженет Шейн, вашу пациентку, только что привез муж. Она рождает. На самом деле Шейны задержались из-за непогоды, а когда приехали сюда, родовая деятельность усилилась.

Слушая интерна, Марквелл глотнул еще виски. После чего, обрадовавшись, что язык пока не заплетается, спросил:

— Роды все еще на первой стадии?

— Да. Но у нее крайне болезненные потуги. И слишком продолжительные для начала родов. А также следы крови в вагинальных выделениях...

— Что ж, вполне обычное дело.

На что Яматта нетерпеливо ответил:

— Нет, это вовсе не обычные кровянистые выделения.

Кровянистые выделения или следы крови в вагинальных выделениях являлись верным признаком приближающихся родов. Однако Яматта сказал, что у миссис Шейн уже начались потуги. Таким образом, Марквелл опять ошибся, предположив, что интерн докладывает о нормальных симптомах скорых родов.

— Это еще не кровотечение, но что-то явно не так, — сказал Яматта. — Вялое сокращение матки, узкий таз, соматические заболевания...

— Если бы у нее были физиологические нарушения, способные осложнить беременность, то я бы их обнаружил, — отрезал Марквелл, понимая, что наверняка мог ничего и не обнаружить, если был пьян. — Сегодня дежурит доктор Карлсон. Если что-то пойдет не так, прежде чем я до вас доберусь, он...

— Нам только что привезли четверых пострадавших во время дорожной аварии, двое в тяжелом состоянии. Карлсону и так не продохнуть. Доктор Марквелл, вы нам нужны.

— Уже еду. Двадцать минут.

Марквелл повесил трубку, допил скотч и достал из кармана мятную пастилку. Начав регулярно закладывать за воротник, доктор всегда носил с собой мятные конфетки.

Он развернул пастилку, сунул ее в рот, после чего покинул кабинет и прошел по коридору к шкафу в прихожей.

Доктор был пьян, и он собирался принимать роды, и, возможно, в очередной раз облагается, что поставит точку в карьере, разрушит репутацию, но сейчас его это мало заботило. На самом деле он с каким-то извращенным наслаждением даже предвкушал катастрофу.

Он уже натягивал пальто, когда тишину ночи разорвал удар грома, от которого задрожали стены.

Марквелл нахмурился и посмотрел в окно возле входной двери. Мелкий сухой снег кружился за оконным стеклом, зависая на секунду в воздухе, когда ветер задерживал дыхание, и опять продолжая вращение. За долгие годы Марквеллу уже доводилось слышать раскаты грома во время снежной бури, правда всегда отдаленные, едва различимые и отнюдь не такие грозные, как сейчас.

Сверкнула молния, потом снова. Падающий снег причудливо мерцал в неверном свете, и окно на секунду превратилось в зеркало, в котором Марквелл увидел свое искаженное страхом лицо. Следующий удар грома оказался еще громче.

Доктор открыл дверь и с любопытством взгляделся в бушующую ночь. Порывистый ветер намел сугробы под навес крыльца и к фасаду дома. Лужайка скрылась под покровом свежевывавшего снега толщиной два-три дюйма, снежные хлопья повисли на ветвях сосен с наветренной стороны.

Сверкнула молния, на мгновение ослепив Марквелла. Раскат грома был настолько оглушительным, что казалось, будто он идет не только с небес, но и откуда-то изпод земли, словно разверзлись небеса и раскололась земная твердь, возвещая об Армагеддоне. Две наложившиеся друг на друга длинные сверкающие стрелы пронзили темноту. Вокруг прыгали, извивались и корчились призрач-

ные силуэты. Каждая вспышка небесного огня настолько причудливо искажала тени от перил и стоек крыльца, деревьев, обнаженных кустов и уличных фонарей, что привычный мир Марквелла стал похож на сюрреалистическое полотно: в этом неземном сиянии очертания и формы обычных предметов пугающе изменились.

Дезориентированный ослепительным небом, громом, ветром и завывающей белой мглой, Марквелл впервые за весь вечер внезапно почувствовал себя по-настоящему пьяным. И даже засомневался, действительно ли он стал свидетелем аномального электрического явления, или все это было лишь плодом алкогольной галлюцинации. Осторожно спустившись по скользким ступенькам на площадку перед крыльцом, откуда начиналась заснеженная подъездная дорожка, он прислонился к столбу и, задрвав голову, уставился на расколотые сверкающим лучом небеса.

Лужайка перед домом и улица, казалось, периодически подпрыгивали от разрядов молний, словно кадры из художественного фильма, который крутят через заклинивший кинопроектор. Все краски ночи будто выгорели, остались лишь слепящий белый свет молний, непроглядность беззвездного неба, мерцающая белизна снега и чернильная чернота дрожащих теней.

Пока доктор в священном ужасе созерцал это странное божественное шоу, очередная зигзагообразная трещина расколола небеса. Направленное к земле раскаленное острие вонзилось в железный уличный фонарь всего в шестидесяти футах от Марквелла, и он завопил от ужаса. И в этот момент ночь накалилась добела и фонарное стекло взорвалось. Послышался очередной раскат грома, отчего у Марквелла застучали зубы, а под ногами затрещали доски крыльца. В воздухе вдруг запахло озоном и раскаленным металлом.

А затем снова стало тихо и темно.

Марквелл проглотил мятную пастилку.

В дверях домов вдоль улицы появились удивленные соседи. Хотя, вероятно, они стояли там в течение всего светопреставления, и, возможно, доктор заметил их, только когда метель снова приняла обычный характер. Кое-кто даже рискнул пробраться по снегу посмотреть на поврежденный уличный фонарь, металлический колпак которого наполовину расплавился. Люди окликали друг друга, они что-то кричали и Марквеллу, но он не ответил.

Пугающая демонстрация сил природы не протрезвила доктора. Опасаясь, что соседи заметят, что он под градусом, Марквелл вернулся в дом.

Ну а кроме того, у него не было времени болтать о погоде. Ему нужно было позаботиться о роженице, у которой предстояло принять младенца. Отчаянно пытаясь собраться, доктор достал из стенового шкафа шерстяной шарф, обмотал его вокруг шеи, завязал концы на груди. У Марквелла тряслись руки, пальцы одеревенели, однако он умудрился застегнуть пальто. Затем, преодолевая головокружение, натянул галоши.

У доктора в душе вдруг зародилась странная уверенность, что эта аномальная молния — некое послание лично для него, Марквелла. Предзнаменование или знак. Чепуха! Просто виски ударил в голову. И все же это чувство не оставляло доктора, когда он вошел в гараж, поднял ворота и вывел автомобиль на подъездную дорожку. Зимние шины с надетыми на них цепями тихонько позвякивали и поскрипывали на снегу.

Доктор остановил автомобиль, собираясь выйти и закрыть гаражные ворота, но тут кто-то постучал в окно рядом с местом водителя. Марквелл удивленно повернул голову и увидел какого-то мужчину, который, склонившись, вглядывался в него через стекло.

На вид незнакомцу было лет тридцать пять. Энергичное, хорошо вылепленное лицо. И даже сквозь запотевшее стекло доктор не мог не заметить, что перед ним крайне необычный человек. На мужчине был морской бушлат с поднятым от холода воротником. От мороза из ноздрей у него шел пар, а когда он говорил, слова вылетали бледными легкими облачками.

— Доктор Марквелл?

Доктор опустил окно:

— Да?

— Доктор Пол Марквелл?

— Да-да. Разве я не ясно выразился? Но сегодня вечером у меня нет приемных часов. И вообще, я сейчас еду в больницу к пациенту.

У незнакомца были невероятно голубые глаза, наводившие на мысль о ясном зимнем небе, отражающемся в тонком льду только что замерзшего пруда. Эти прекрасные глаза приковывали к себе, но, как сразу понял Марквелл, то были глаза крайне опасного человека.

И прежде чем Марквелл успел нажать на газ и дать задний ход, чтобы выехать на улицу, где можно было бы позвать на помощь, мужчина в бушлате просунул в открытое окно ствол пистолета:

— Только без глупостей.

И когда ствол вдавился в мягкую плоть под подбородком доктора, тот с некоторым удивлением понял, что не хочет умирать. Он уже давно вынашивал мысль о том, что готов отдаться холодным объятиям смерти. И вот сейчас, вместо того чтобы радоваться внезапно возникшему желанию жить, он почувствовал себя виноватым. Ведь принять жизнь — значит предать своего сына, с которым их могла соединить одна только смерть.

— Доктор, выключите фары. А теперь заглушите мотор.

Марквелл вынул ключ из замка зажигания:

— Кто вы такой?

— Не имеет значения.

— Но не для меня. Что вам нужно? Что вы собираетесь со мной сделать?

— Если будете сотрудничать, то не пострадаете. Но если попробуете улизнуть, я вышибу вам мозги, а затем разряжу, к чертовой матери, остаток магазина в ваше мертвое тело. — Голос незнакомца был мягким, неожиданно приятным, но твердым. — Отдайте мне ключи. — (Марквелл протянул в окно ключи от машины.) — А теперь выходите.

Мало-помалу трезвея, Марквелл вылез из машины. Сильный ветер злобно кусал лицо. Доктор щурился от залеплявшего глаза мелкого снега.

— Прежде чем закрыть дверь, поднимите стекло. — Мужчина навис над доктором, блокируя пути к отступлению. — Ладно, очень хорошо. А теперь, доктор, идите со мной к гаражу.

— Это безумие какое-то. Что...

— Пошевеливайтесь!

Незнакомец, не отходя от Марквелла, взял его за левую руку. Если кто-нибудь сейчас и наблюдал за ними с улицы или из окна соседнего дома, то в любом случае не разглядел бы пистолета в кромешной тьме, через плотную завесу снега.

Оказавшись в гараже, Марквелл по знаку незнакомца опустил ворота. Протяжно заскрипели несмазанные замерзшие петли.

— Если вам нужны деньги...

— Заткнитесь и ступайте в дом!

— Послушайте, у меня пациентка рождает в окружающей...

— Если вы сейчас же не заткнетесь, я вам все зубы пересчитаю рукояткой вот этого пистолета, и тогда вы просто не сможете говорить.

Марквелл сразу поверил. Шесть футов ростом, весом примерно сто восемьдесят фунтов, незнакомец был примерно тех же габаритов, что и Марквелл, но выглядел устрашающе. Белокурые волосы мужчины смерзлись отдельными прядями. Капли тающего снега струились по лбу и вискам, что придавало незнакомцу сходство с бездушной ледяной статуей во время зимнего карнавала. У Марквелла не было и тени сомнения, что в рукопашном бою этот человек в бушлате легко победит всех противников, и уж тем более пьяного врача средних лет, находящегося не в лучшей форме.

Боб Шейн задыхался в комнате отдыха родильного отделения, с низким потолком, обшитым звукоизолирующими панелями, с тускло-зелеными стенами и единственным заиндевевшим окном. В этой предоставленной будущим отцам комнате стояла адская жара, к тому же шесть кресел и два приставных столика загромождали тесное пространство. Бобу очень хотелось выбежать через двустворчатую дверь в коридор, а затем — в другой конец больницы, через комнату ожидания для посетителей к главному входу и оттуда прямо на улицу, в холодную ночь, где не воняло антисептиками и болезнями.

И все же Боб оставался в этой комнате отдыха, чтобы на всякий случай быть рядом с Джейн. Что-то явно пошло не так. Они ожидали, что роды будут трудными, но все же не столь болезненными, с продолжительными потугами, вконец измотавшими Дженет. Доктора не признавались в возникновении осложнений, однако не могли скрыть озабоченности.

Боб знал причину своей клаустрофобии. В сущности, он не боялся, что на него могут надвигаться стены. Что его действительно пугало, так это надвигающаяся смерть — возможно, жены или неродившегося ребенка, а возможно, обоих.

Двустворчатая дверь распахнулась, и в комнату вошел доктор Яматта.

Вставая с кресла, Боб врезался в приставной столик, разбросав полдюжины журналов по полу:

— Ну как она, док?

— Не хуже. — Яматта был невысоким худощавым мужчиной с большими грустными глазами. — Доктор Марквелл скоро будет здесь.

— Но вы же не отложите необходимые процедуры до его приезда, так?

— Нет-нет, конечно же нет. Она получает хороший уход. Я просто подумал, что вам сразу станет легче, когда вы узнаете, что ваш доктор уже в пути.

— О... Ну да, конечно... спасибо. Послушайте, док, а можно мне ее увидеть?

— Не сейчас, — ответил Яматта.

— А когда?

— Когда ей... станет немного легче.

— И это, по-вашему, ответ? Когда ей станет немного легче! Когда, черт возьми, все это закончится?! — Боб тотчас же устыдился своей вспышки ярости. — Прошу прощения... прошу прощения, док. Дело в том, что... мне страшно.

— Я знаю, знаю.

В гараже Марквелла имелась дверь, через которую можно было попасть в дом. Они прошли через кухню по коридору первого этажа, по дороге включая свет.

Незнакомец заглянул в столовую, гостиную, кабинет, смотровую, приемную для пациентов, после чего сказал:

— Наверх!

В хозяйской спальне он схватил одну из настольных ламп, затем отодвинул от туалетного столика кресло для рукоделия с прямой спинкой, поставив его в центр комнаты.

— Доктор, будьте добры, снимите перчатки, пальто и шарф.

Марквелл повиновался, уронив одежду на пол, затем по знаку человека с пистолетом сел в кресло.

Мужчина положил пистолет на туалетный столик и достал из кармана моток прочной веревки. Вытащил из-под бушлата короткий нож с широким лезвием, очевидно висевший в ножнах на поясе. После чего разрезал веревки на куски, явно собираясь привязать ими Марквелла к креслу.

Доктор устался на лежавший на туалетном столике пистолет, просчитывая в уме шансы добраться до оружия раньше незнакомца. Но, встретив взгляд по-зимнему холодных голубых глаз, доктор понял, что для того все его мысли не более чем детские хитрости, которые ничего не стоит разгадать взрослому.

Блондин улыбнулся, словно желая сказать: «Только попробуй!»

Полу Марквеллу очень хотелось жить. Он покорно позволил привязать себя за руки и за ноги к креслу для рукоделия.

Незнакомец затягивал узлы туго, но не причиняя пленнику боли, словно проявляя о нем странную заботу.

— Я не хочу затыкать вам рот кляпом. Вы пьяны, а с тряпкой во рту можете захлебнуться рвотными массажи. Поэтому придется вам поверить. Но если вдруг начнете звать на помощь, убью на месте. Понятно?

Когда он произнес длинную фразу, Марквелл уловил неявный акцент, но такой слабый, что невозможно было определить его природу. Мужчина проглатывал окончания некоторых слов, иногда в его речи проскальзывали едва заметные гортанные звуки.

Он присел на кровать и положил руку на телефонный аппарат:

— Какой номер телефона окружной больницы?

— А вам зачем? — растерянно заморгал Марквелл.

— Проклятье, я попросил вас назвать номер! Если вы откажетесь говорить, то я не стану заглядывать в справочник, а просто вышибу из вас чертов номер!

Смирившись, Марквелл назвал номер телефона больницы.

— Кто дежурит сегодня вечером?

— Доктор Карлсон. Херб Карлсон.

— А он хороший человек?

— Что вы имеете в виду?

— Как врач, он лучше вас или такая же пьянь?

— Я вовсе не пьянь. У меня были...

— Вы безответственный алкаш, упивающийся жалостью к себе. Что вы не хуже меня знаете. Отвечайте на мой вопрос, доктор. На Карлсона можно положиться?

Марквелла внезапно затошнило, причем не только от переизбытка скотча. Нет, он вдруг почувствовал острое отвращение к себе, так как все это было чистой правдой.

— Да, Херб Карлсон — хороший врач. Очень хороший.

— Кто из медсестер дежурит сегодня вечером?

Марквеллу пришлось секунду подумать над ответом.

— Полагаю, Элла Ханлоу. Но я не уверен. Если не Элла, тогда Вирджиния Кин.

Незнакомец позвонил в окружную больницу, объяснив, что говорит от имени доктора Пола Марквелла, и попросил позвать к телефону Эллу Ханлоу.

Неистовый порыв ветра сотряс дом, засвистел в ска-
тах крыши, заставил дребезжать стекла в разошедшихся
рамах, напомнив Марквеллу о непогоде. Глядя на снего-
пад за окном, он вдруг почувствовал себя полностью де-
зорентированным. Ночь выдалась настолько богатой на
события — молния, загадочный блондин, — что все это
вдруг показалось доктору нереальным. Он потянул за ве-
ревки, которыми был привязан к креслу, в полной уве-
ренности, что они лишь фрагмент алкогольного забытья
и сразу распадутся, точно паутина, но веревки крепко дер-
жали его, а сделанное усилие лишь привело к новому при-
ступу головокружения.

Между тем мужчина уже разговаривал с медсестрой:

— Сестра Ханлоу? Доктор Марквелл сегодня вечером
не сможет приехать в больницу. У одной из его пациенток,
Дженет Шейн, которая сейчас здесь, тяжелые роды. Мм?
Да, конечно. Он хочет, чтобы роды принял доктор Карл-
сон. Нет-нет, боюсь, он не сможет. Нет, дело не в погоде.
Он выпил лишнего. Все верно. И будет представлять
опасность для пациентки. Нет... Он настолько пьян, что
не имеет смысла звать его к телефону. Простите. В послед-
нее время он много пьет, пытается это скрыть, но сегодня
вечером он пьянее обычного. Мм? Я сосед. Хорошо. Бла-
годарю вас, сестра Ханлоу. До свидания.

Марквелл разозлился, но в то же время испытал стран-
ное облегчение, что его секрет наконец-то раскрыт.

— Ты, ублюдок! Ты меня погубил.

— Нет, доктор. Вы сами себя погубили. Ваша ненависть
к себе разрушает карьеру врача. Из-за этого от вас ушла
жена. Ну да, ваш брак не был безоблачным, но его можно
было бы спасти, если бы Ленни остался жив. Ваш брак
можно было бы спасти даже после смерти сына, если бы
вы целиком и полностью не ушли в себя.

Марквелл был потрясен.

— Откуда, черт побери, вам известно о моих отношениях с Анной?! И как вы узнали о Ленни? Мы раньше никогда не встречались. Откуда у вас информация обо мне?

Не обращая внимания на вопросы, незнакомец положил две подушки к мягкому изголовью кровати. И, закинув ноги в грязных мокрых ботинках на покрывало, растянулся на постели:

— Что бы вы там ни думали, вы не виноваты в смерти сына. Вы ведь обыкновенный врач, а не волшебник. Но вот Анну вы потеряли исключительно по собственной вине. И в том, что вы стали реальной угрозой для пациентов, также исключительно ваша вина.

Марквелл хотел было возразить, но лишь вздохнул и уныло повесил голову, упершись подбородком в грудь.

— А знаете, в чем ваша беда, доктор?

— Полагаю, вы мне скажете.

— Ваша беда в том, что вам никогда не приходилось ни за что бороться, вы никогда не сражались с настоящим противником. Ваш отец был преуспевающим человеком, поэтому вы получали все, что хотели, учились в лучших школах. У вас вполне успешная практика, да и вообще вы никогда не нуждались в деньгах, так как получили хорошее наследство. И вот, когда Ленни заболел полиомиелитом, вы не знали, как ответить на этот вызов судьбы, так как не имели опыта борьбы. Вам не сделали прививки, поэтому у вас не было иммунитета, и вы заработали тяжелую форму отчаяния.

Марквелл поднял голову и заморгал, чтобы лучше видеть:

— Не понимаю, о чем вы.

— Доктор, хотя все это чрезвычайно болезненно, вы сейчас кое-что поняли. И если сумеете воздерживаться от алкоголя достаточно долго, чтобы навести порядок в го-

лове, то, возможно, вам удастся вернуться на путь истинный. У вас еще остается крохотный шанс исправиться.

— А что, если я не желаю исправляться?

— К сожалению, и такое возможно. Думаю, вы боитесь смерти, но сомневаюсь, хватит ли у вас мужества жить дальше.

Дыхание Марквелла отдавало алкогольным перегаром, смешанным с мятой. Во рту пересохло, язык распух. Доктор отчаянно нуждался в выпивке.

Он нерешительно попробовал веревки, которыми его руки были привязаны к креслу. После чего, презирая себя за ноющие нотки в голосе, но не в силах сохранять достоинство, он сказал:

— Чего вы от меня хотите?

— Я хочу помешать вам сегодня вечером отправиться в больницу. Я хочу быть абсолютно уверен, что вы не станете принимать роды у Дженет Шейн. Вы стали мясником, потенциальным убийцей, и на сей раз вас необходимо остановить.

Марквелл облизал пересохшие губы:

— Но я по-прежнему не знаю, кто вы такой.

— И никогда не узнаете, доктор. Никогда.

Бобу Шейну еще никогда не было так страшно. Он сдерживал слезы исключительно из суеверного чувства, что открыто демонстрировать страх — значит искушать судьбу и, следовательно, погубить Дженет с младенцем.

Наклонившись вперед в кресле, Боб опустил голову и начал молча молиться: Господи, ведь Дженет могла выносить кого-нибудь получше меня. Она такая хорошенькая, а я невзрачный, как траченный молью ковер. Я самый обыкновенный бакалейщик, и мой магазинчик на углу никогда не принесет нам больших доходов, но жена меня

любит. Господи, она добрая, честная, скромная... Она не заслуживает смерти. Может, Ты хочешь забрать ее, потому что она такая хорошая и ей самое место в раю. Но я не такой хороший, и она нужна мне, чтобы помочь стать лучше.

Дверь в комнату отдыха распахнулась.

Боб поднял голову.

Доктора Карлсон и Яматта, оба в зеленой больничной униформе, вошли в комнату.

Их появление напугало Боба, и он медленно поднялся с кресла.

Глаза Яматты казались еще более грустными, чем обычно.

Доктор Карлсон, высокий и дородный мужчина, умудрялся выглядеть предстательно даже в мешковатой больничной униформе.

— Мистер Шейн... мне очень жаль. Мне очень жаль, но ваша жена умерла во время родов. — (Боб оцепенел, словно от этой ужасной новости превратился в соляной столб, и не слышал и половины того, что говорил ему Карлсон.) — ...полная маточная непроходимость... одна из тех женщин, которые на самом деле не созданы для того, чтобы стать матерью. Беременность была ей противопоказана. Мне очень жаль... так жаль... все, что было в наших силах... обширное кровотечение... но ребенок...

Слово «ребенок» вывело Боба из оцепенения. На нетвердых ногах он шагнул к Карлсону:

— Что вы сказали насчет ребенка?

— Это девочка. Совершенно здоровая малышка.

А ведь Боб уж было решил, что все кончено. Теперь он устался на Карлсона, лелея огонек надежды на то, что часть Дженет не умерла и он, в конце концов, не одинок в этом мире.

Кунц Д.

К 91 Молния : роман / Дин Кунц ; пер. с англ. О. Александровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 512 с. — (The Big Book. Дин Кунц).

ISBN 978-5-389-18305-6

Когда родилась Лора Шейн, на Денвер из района Скалистых гор пришла жуткая буря. Били молнии, и это в январе, в самый разгар зимы. Такой природной аномалии люди еще не знали. И Лора не родилась бы, если бы таинственным образом в клинику не явился голубоглазый блондин, предотвративший ошибку доктора. Кто он? Ее ангел-хранитель? Откуда он? Из будущего? Из прошлого? И почему она, самая обыкновенная девочка, стала объектом столь пристального внимания и средоточием опасных и странных игр, происходящих вокруг нее?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДИН КУНЦ
МОЛНИЯ

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Ольга Давидова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.08.2020. Формат издания 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 32. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-KBB-26896-01-R